

Как я пришла в Православие

Святое крещение я приняла в 1990 г., на волне Тысячелетия Крещения Руси. Мне шёл 47-й год. За плечами МГУ и долгие годы работы непонятно над чем - обычная судьба гуманитария без особых дарований. С мужем расстались в 1980-м. Дочери было 18, и она мучилась проблемами выбора жизненного пути. В конце концов, устроилась после школы секретарем-референтом в фирму.

Как сейчас помню: август, жара, солнце слепит, усталая, пыльная листва никнет и не дает тени.

На работу в ту пору ездила по привычке. Обреталась тогда в непонятной конторе под громким названием "Научный центр ВЦСПС". Никакой науки, разумеется, там не было. Это был один из аппаратных "отстойников", куда сбрасывали на пенсию, на передержку после заграникомандировки, пристраивали матерей-одиночек с малыми детьми. Режима и порядка никакого, никто не предвидел, чем обернется перестройка, а потому все бездельничали, не скрываясь. Да и чем было заниматься? Марксизм-ленинизм отменили, а чем его заменить - никто не знал. Народ целыми днями толкался в пропылённых тёмных коридорах бывшего Воспитательного дома на Солянке, курили и спорили до хрипоты; обсуждали мемуары Евгении Гинзбург, Надежды Мандельштам, творения Солоухина, Солженицына и пламенные речи Миграняна. Не были забыты и вопросы духовности. Кто-то бросился на курсы астрологов, кто-то - в кружки Порфирия Иванова, в экстрасенсорику, эзотерику, астрологию, восточные единоборства. Головы кружил пьянящий воздух свободы. Никто не имел понятия, что делать и куда идти, и это было прекрасно. Царила всеобщая эйфория. В ней было что-то нездоровое, малоумное, как я поняла уже потом.

В храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке - один из старейших в Москве - зашла случайно, для расширения кругозора. Среди великовозрастных девиц из сектора научной (?) информации было модно рассуждать об иконах и духовных старцах. Такой уж был тренд, по нынешнему. Любопытствуя, походила по храму, постояла у иконы Троицы, зажгла свечу. И не знала, что делать дальше. Кружа без цели, неожиданно натолкнулась на высокого статного человека в священническом (как сразу догадалась) облачении, и остановилась, как вкопанная.

Он был прекрасен как никто из прежде виденных мною людей. То, что за его внушительным видом скрыта духовная сила, я поняла уже тогда. Заикаясь, проговорила:

- Вот, пришла в церковь, а ведь формально я неверующая. Что мне делать?

- Смотрите, что делают другие. Приходите почаще.

- А может взрослый человек крещение принять?

- Может. Приходите через месяц. Сейчас я уезжаю в отпуск.

Решение, переменившее жизнь, было принято в одночасье.

Дни полетели, как вспугнутые птицы. Я стала чувствовать, как небо опускается на землю, навстречу мне. Этим поделиться было не с кем: сослуживцы, узнав, что я готовлюсь принять крещение, стали относиться ко мне сочувственно, а кое-кто крутил пальцем у виска. Как жить по-православному, никто не знал и объяснить не мог. К счастью, попала в библиотеке книга И.Шмелева "Лето Господне", и я прилежно изучала быт, нравы, обычаи незнакомой страны под названием "Православная Русь". Священник, отец Стефан, мне ничего не объяснил - это не было принято, молитвословов тогда не выпускали, книжечек "Советы идущему в храм" не выдавали. Инстинктивно меня тянуло на фрукты, которых в том году было изобилие. Потом узнала: был Успенский пост.

Несколько раз перечитала Евангелие. И вот настал назначенный день. Нас выстроили в центре храма вокруг купели и велели опустить в неё головы и руки. В крестильной рубашке была я одна. Во что были одеты другие пять крещаемых женщин, лучше не вспоминать. Голос священника звучал с недостижимых высот. И постепенно сгущался, тяжелел воздух, как перед грозой. Небо пошло вниз, мягко опустилось на землю, спружинило и поглотило меня. Теперь я была внутри иного пространства.

Опомившись, почувствовала, что не узнаю себя. Вместо меня был другой человек. К нему надо было привыкнуть. И принялась вработываться. Прилежно ходила в церковь каждый день, благо, на работе никто не спрашивал, чем я занимаюсь. Стояла утром, стояла вечером. Со страхом и трепетом шла к Причастию. Первые полгода после крещения избегала молока и мяса - бессознательно, поститься меня научили позднее. И очень хотелось одеваться во всё белое, даже зимой. Когда в храме (другом) меня поставили к подсвечнику и велели следить за порядком: вовремя убирать огарки, ставить новые свечки, протягиваемые из-за спины нетерпеливыми прихожанами - я восприняла это как высочайшую честь. Ничего подобного в Научном центре ВЦСПС, разумеется, не было. Чувство сладостной тайны, причастности к высшей сфере Духа кружило голову, как чуть раньше - воздух свободы. Тихим огоньком лампадки с детства теплившееся в душе чувство, что ТАМ что-то есть, вырвалось на волю, заполнило душу и разгорелось пожаром. В этом пожаре я сгорала без остатка, забыв и тяжелое детство, и несчастливый брак, и презренное женское одиночество. Теперь вокруг были братья и сестры. С радостью сообщала новым знакомым, что крестилась совсем недавно. Подавляющее большинство задавало один и тот же вопрос: «А почему так поздно?» И лишь одна старенькая бабушка сочувственно вздохнула: «Бедная! Теперь тебя враг будет одолевать!» Как она оказалась права! Враг вселялся в ближайших друзей, навсегда разлучая с ними. Словно колючая проволока, через которую пропущен ток, отделила меня от семьи. А о товарищах по работе и говорить нечего - с ними вообще стало не о чем говорить. Мужчины судачили о карьерных перемещениях, возможностях загранкомандировки и перевода в

«аппарат» - судачили те, кому ни заграники, ни повышения не светили. Женщины, как и везде на свете, с упоением перемывали косточки неудачницам, среди которых я занимала первое место. Но одинокой я себя не чувствовала. У меня был чудесный, тёплый, сияющий золотом благоухающий мир, куда всегда можно было уйти.

Усвоение православного вероучения, как такового, далось неожиданно легко. Это было воспоминание давно известного. Как будто эти истины кто-то давным-давно уже вложил в мою голову. В этом новом мире было жутковато, непредсказуемо, интересно, так, что захватывало дух. При первой возможности ушла из невнятной конторы под названием «Научный центр ВЦСПС» - ушла легко, не задумываясь. Стоять у подсвечника и снимать огарки казалось намного достойнее, чем вымучивать очередную, никому ненужную диссертацию.

Не сразу в упоении духовными восторгами я сообразила, что раньше в непонятной конторе хотя бы платили зарплату, а если по велению сердца эту контору бросить - то и зарплату платить никто не станет. И беззаботная жизнь кончилась. Перспективы заработка в новом мире оказались зыбки и ненадежны. К тому же началась неизбежная неопитская «ломка» - меня стало крутить и швырять по жизни беспощадно. Под тяжелыми ударами неведомых сил разлетались, как ореховые скорлупки, устоявшиеся формы общения с людьми, стереотипы и предпочтения. Новая жизнь железной рукой расставляла всё по своим местам. В то время я сама себе казалась морковкой, которую чья-то рука выдернула из грядки, где она росла, и пересадила на другую.

Много лет спустя поняла, что лучше всего тогда было уйти в монастырь: то, что тогда этого не сделала, оказалось роковой ошибкой. Правда, была уважительная причина: не с кем было оставить дочь. Взять её с собой и думать было нечего, она не выказывала никакого интереса к духовной сфере, а я не считала возможным на неё давить. Постепенно всё вошло в колею, и мне было назначено стать православной журналисткой. Таковой и стала, средненькой, надо сказать... В одном американском салуне во времена Дикого Запада висело объявление: «Просьба не стрелять в пианиста - он играет как умеет». О том же прошу и я, дорогие читатели.

Марина Васильева
Март 2015